

ДУХ ФИЛОСОФИИ ЭТЬЕНА ЖИЛЬСОНА
(Рецензия на книгу: *Жильсон Этьен. Дух средневековой философии*
/ пер. с франц. Г.В. Вдовиной. – М.: Ин-т философии,
теологии и истории св. Фомы, 2011. – 560 с.)

Аннотация. Рецензируемое издание отражает первый этап эволюции взглядов классика французского неотомизма Э. Жильсона на феномен христианской философии, коренящейся в средневековой схоластике. Эта книга не столько о духе средневековой философии, сколько о философии вообще, попавшей в разное время в орбиту притяжения христианства и адаптированной, ассимилированной, рецептированной им.

Ключевые слова: Этьен Жильсон, Жак Маритен, Фома Аквинский, томизм, неотомизм, экзистенциальный неотомизм, экзистенциализм, средневековая философия, христианская философия, история философии.

Рецензируемое издание является первым в России (и к тому же блестящим) переводом на русский язык «Гиффордовских лекций»¹, прочитанных выдающимся французским философом и медиевистом Этьеном Жильсоном (1884-1978) в университете Абердина в 1931-1932 гг. Следует отдать должное системности мышления, строгости логики, четкости изложения и монолитности предмета философского дискурса французского философа-экзистенциалиста, благодаря которым его Гиффордовские чтения/ лекции быстро обрели статус фундаментальной монографии и выдержали не одно издание на родине автора и за рубежом.

Оставаясь верным томизму и экзистенциализму, столь им ценимым, Э. Жильсон в этих лекциях выходит далеко за пределы ученического курса, стремясь прояснить для себя и аудитории самый «дух Средневековья», разумеется, исключительно западно-европейского, поскольку византийское наследие им здесь в расчет не берется². Он начинает свое рассуждение с постановки проблемы, поныне остающейся актуальной для современной теологии, философии и религиоведения – проблемы сущности и существования христианской философии. Положительно решив ее, он далее стремится определить понятие христианской философии, привлекая для этой цели огромный пласт богословской литературы – от Посланий ап. Павла и сочинений Иустина Философа, Татиана и Лактанция до Аврелия Августина, Ансельма Кентерберийского и Фомы Аквината. Э. Жильсон умело демонстрирует опасность смешения понятий разума и веры, философии и религии, приводящего к размыванию границ компетенции апологетики, теологии, спекулятивной мистики (видимо, это момент скрытой полемики с Ж. Маритеном), метафизики и т.п. Итог, к которому можно прийти после знакомства с первыми двумя главами данной книги, номиналистичен и почти прагматичен: христианская философия – это любая философия, которой пользуются христиане как своей, поскольку «Неотомизм согласен на христианскую философию при условии, что она удовольствуется быть философией» (с. 16)³, и «...нет христианского разума, но может быть христианское применение разума» (с. 19). Здесь мы еще не найдем позднейших размышлений Э. Жильсона о различии *revelata* (истин разума, невысказанных без божественного Откровения) и *revelabilia* (истин естественного разума, очищенных Откровением от заблуждений)⁴. К слову, Ж. Маритен именно в работе «Бытие и сущность» видел продолжение тематики «Гиффордовских чтений»⁵.

Две следующие лекции (главы 3 и 4) автор отвел вопросам онтологии, начиная с философии Платона и Аристотеля и заканчивая картезианством. Критикуя Декарта, аналитике творчества которого была посвящена дис-

сертация самого Э. Жильсона 1913 г.⁶, он в 5-й главе обращается к гносеологии, проводя читателя по путям истории становления методологии познания. Он остерегается делить мыслителей на «правых и неправых», скорее, ему интересен весь исторический процесс духовных исканий человечества. Сам он, оставаясь рационалистом, на наш взгляд, склоняется к умеренному фидеизму и из «Суммы теологии» св. Фомы черпает свой христианский и исследовательский оптимизм (гл. 6 и 7). Подтвердив непререкаемый авторитет св. Фомы, Э. Жильсон далее концентрирует внимание на конкретике идей христианской антропологии, персонализма, сократизма (гл. 9-11). В гл. 12 гносеология уступает место эпистемологии, но в специфическом, жильсоновском понимании этого термина – как метафизики Истины. Для раскрытия Истины нужны, по мысли Жильсона, два инструмента – интеллект и Любовь (которым, соответственно, посвящены главы 13 и 14). Дальнейший переход к вопросам этики и христианской морали вполне очевиден (и реализован уже Анри Бергсоном⁷) – автор останавливает свой взгляд на различии свободы выбора и закона, совести и обязательства.

Эстетика Э. Жильсоном не затрагивается⁸. Возможно, это умолчание было продиктовано выходом в свет в 1927 г. второго издания работы «Искусство и схоластика» своеобразного интеллектуального соперника Э. Жильсона, его друга, соратника и тоже неотомиста Жака Маритена⁹, чей интуитивизм не был ему близок. Собственно, на этике Жильсон заканчивает свой историко-философский экскурс по разделам философии, которые были полезны христианам в Средневековье и еще могут пригодиться им в дальнейшем. Экскурс заведомо не полон, и Э. Жильсон это прекрасно осознает, но он торопится сказать главное, хотя, конечно, эстетики увидят свое поле для критики, византилисты – свое, историки-медиевисты – свое и т.д.

Завершающими аккордами книги о «духе Средневековья» стали три темы: «Средние века и природа» (как окружающий человека мир), «Средние века и история» (как бытие человека во времени), «Средние века и философия» (как отражение мира и человека в естественном разуме), которые у автора звучат в экзистенциальном ключе, предвосхищая тем самым «экзистенциальный томизм», который будет им создаваться и разрабатываться в трудах более позднего периода.

В качестве заключения хотелось бы отметить следующее:

1. Отрадно сознавать, что русскоязычному читателю все полнее открывается новый неизведанный пласт французской христианской мысли. Еще двадцать лет назад имя Э. Жильсона (как и его коллег) не было широко известно российским интеллектуальным кругам, а переводов насчитывалось единицы¹⁰. Сравнительно недавно ситуация в корне изменилась – только за 2004 г. увидели свет три увесистых тома трудов французского философа (каждый из которых достоин отдельной рецензии и всевозможных похвал)¹¹. И список его работ, переведенных на русский язык, продолжает пополняться¹². Неоценимым вкладом является и рецензируемое издание, представляющее первый этап эволюции взглядов мэтра неотомизма на феномен христианской философии, коренящейся в средневековой схоластике.

2. На наш взгляд, название рецензируемой книги слабо отражает ее истинное содержание. Собственно, по кругу затрагиваемых персоналий она очень похожа на работу 1922 г. «Философия в средние века» (М., 2004. – 678 с.), но в последней, в отличие от данных «Лекций», имеется небольшой раздел о греческой патристике, включая Иоанна Дамаскина. Ключевой фигурой и эталоном для французского классика экзистенциального неотомизма был и остается Аквинат¹³. Поэтому о духе всей средневековой (пусть хотя бы западно-европейской) философии мы из «Гиффордов-

ских чтений» узнаем сравнительно мало, пожалуй, только по материалам трех последних лекций, зато достаточно много о духе томизма, философии и интеллектуальных предтечах самого Э. Жильсона (Августине, Дунсе Скоте, Фоме Аквинском, Декарте, А. Бергсоне и проч.), особенно из глав 5-7, 16 и 17. Видимо, дух Средневековья все же лучше постигается нынешним поколением читателей по сочинениям младших современников мэтра неотомизма – историков школы анналов второй генерации, а также У. Эко, Э. Панофского и др.¹⁴.

Но это несколько не умаляет достоинств «Гиффордских лекций (или чтений)». Жак Маритен небезосновательно назвал их «сокровищницей света»¹⁵, рекомендуя их как труд по медиевистике. Но с этим можно согласиться лишь отчасти, – скорее, это оригинальная энциклопедия истории западно-европейской философии, поскольку в «Духе средневековой философии» историк философии возобладал в авторе и над историком, каковым сам Жильсон стремился стать в начале своей ученой карьеры, и над философом, каковым он в конце концов стал. Великолепное гуманитарное образование, всеохватная эрудиция, исследовательская дотошность просто не позволили ему заикливаться исключительно на средневековом материале, диапазон его историко-философского анализа необычайно широк – в каждой лекции Э. Жильсон представляет весь спектр философских учений, от древности до современности, перечисляя десятки имен и направлений. На страницах его книги Сократ и Платон соседствуют с Декартом и Кантом, стоики и неоплатоники – с Августином и Фомой Аквинским, Аристотель и аверроисты – с Лейбницем, О. Конттом и позитивистами и т.п., что требует от читателя очень серьезной историко-философской подготовки, которой вряд ли можно ожидать от студентов даже профильных учебных заведений.

3. И как раз в связи с этим еще одно замечание. Труды Э. Жильсона, как, разумеется, и Ж. Маритена, глубоки и сложны, в то время как их переводы на русский язык в большинстве своем не сопровождаются научными комментариями и вводными статьями современных исследователей неотомизма. Непонятно почему. Нет таких и в рецензируемом издании, а из упомянутых нами других переводных книг Э. Жильсона развернутое послесловие научного редактора содержится только в «Философии в средние века»¹⁶, да в томе избранных сочинений есть выдержки из сборников статей его учеников и последователей 40-х и 80-х гг. прошлого века¹⁷. И это при том, что кратких предисловий самого Э. Жильсона явно не достаточно, чтобы его понять. Обращение к лапидарным статьям современных отечественных философских энциклопедий¹⁸ малоинформативно, на их фоне выгодно отличаются четкостью и непредвзятостью суждений публикации К.И. Никонова¹⁹, который предостерегает от слишком прямолинейного причисления Э. Жильсона к экзистенциализму²⁰, с одной стороны, а с другой, – призывает к строгому разграничению жильсоновского и маритеновского неотомизма²¹.

4. И последнее. Как быть с заявленной нами в начале «монолитностью предмета» жильсоновского исследования? На наш взгляд, довольно просто: это книга не столько о духе средневековой философии, сколько о философии вообще, попавшей в разное время в орбиту притяжения христианства и адаптированной, ассимилированной, рецепированной им.

¹ В подборе тематики для которых чувствуется, на наш взгляд, влияние работ А. Бергсона и Ж. Маритена. – И.Д. Касательно первого философа с нашим наблюдением согласился бы и сам Э. Жильсон. См., напр.: Жильсон Этьен. Философ и теология / пер. с франц. К. Демидова. – М.: Гнозис, 1995. – 192 с.

² И эта лакуна в отечественной истории философии до сих пор не заполнена, несмотря на то, что вышла в свет, например, книга В.М. Лурье «История византийской философии. Форма-

тивный период» (СПб., 2006. – 553 с.), которая на поверку оказывается трудом не по истории византийской философии, а по истории византийской теологии, пользовавшейся понятийным аппаратом логики в своих апологетических целях.

³ Здесь и далее везде ссылки в круглых скобках даются на рецензируемое издание. – И.Д.

⁴ См., напр., на рус. яз.: Жильсон Этьен. Бытие и сущность / пер. Г.В. Вдовиной // Он же. Избранное: Христианская философия / пер. с франц. и англ. – М.: РОССПЭН, 2004. – 704 с. – С. 321–582; Жильсон Этьен. Избранное. – Т. 1: Томизм. Введение в философию св. Фомы Аквинского. – М. – СПб.: Университетская книга, 1999. – 496 с.

⁵ Маритен Жак. Этьен Жильсон – философ христианства. Предисловие к одноименному сборнику // Жильсон Этьен. Избранное: Христианская философия. – М., 2004. – С. 658.

⁶ Рус. пер. см.: Жильсон Э. Учение Декарта о свободе и теология / пер. З.А. Сокулер // Он же. Избранное: Христианская философия. – М., 2004. – С. 7–320.

⁷ На рус. яз. см.: Бергсон Анри. Два источника морали и религии / пер. с франц. А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1994. – 384 с. Особ. гл. 1.; Он же. Собр. соч. в 4 т. – Т. 1: Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память. – М.: МК, 1992. – 336 с. (Особ.: С. 111–160).

⁸ Много позже Э. Жильсон восполнит один из этих пробелов, прочитав на английском языке специальный цикл лекций по эстетике неотолизма в США в 1955 г. и написав по-французски монографию «Живопись и реальность» (М., 2004. – 368 с.).

⁹ Рус. перевод см. в: Маритен Жак. Избранное: Величие и нищета метафизики / пер. с франц. – М.: РОССПЭН, 2004. – 608 с. – С. 445–550. К слову, Ж. Маритен и в дальнейшем неоднократно в своих работах обращался к эстетическим проблемам христианского творчества и искусства. См., напр.: Маритен Жак. Творческая интуиция в искусстве и поэзии / пер. с франц. – М.: РОССПЭН, 2004. – 400 с.

¹⁰ Одни из первых на постсоветском пространстве – Жильсон Этьен. Разум и Откровение в Средние века // Богословие в культуре средневековья. – К.: Путь к Истине, 1992. – 384 с. – С. 5–48; Он же. Философ и теология / пер. с франц. К. Демидова. – М.: Гнозис, 1995. – 192 с.

¹¹ Жильсон Этьен. Живопись и реальность / пер. с франц. – М.: РОССПЭН, 2004. – 368 с.; Он же. Избранное: Христианская философия / пер. с франц. и англ. – М.: РОССПЭН, 2004. – 704 с.; Он же. Философия в средние века: От истоков патристики до конца XIV века / пер. с франц. Общ. ред. С.С. Неретиной. – М.: Республика, 2004. – 678 с.

¹² Так, в 2010 г. вышел перевод В.Г. Вдовиной его книги «Данте и философия» (М., 2010. – 384 с.).

¹³ Чего стоит его разъяснение «Томизма Данте» в уже названной нами книге «Данте и философия» (С. 270 и след.).

¹⁴ В первую очередь, мы имеем в виду такие работы как, например: Гийу Андре. Византийская цивилизация. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 552 с.; Де Либера Ален. Средневековое мышление. – М.: Праксис, 2004. – 368 с.; Дюби Жорж. Время соборов: Искусство и общество 980–1420 годов. – М.: Ладомир, 2002. – 379 с.; Он же. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 320 с.; Ле Гофф Жак. Интеллектуалы в Средние века. – СПб., СПбГУ, 2003. – 160 с.; Он же. Рождение чистилища. – Екатеринбург: У-Фактория, 2011. – 544 с.; Он же. Цивилизация средневекового Запада. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 568 с.; Панофский Эрвин. Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 336 с.; Он же. Аббат Сюжер и Аббатство Сен-Дени // Богословие в культуре средневековья. – К.: Путь к Истине, 1992. – 384 с. (С. 79–118); Хейзинга Йохан. Соч. в 3 т. – Т. 1: Осень Средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. – М.: Прогресс, 1995. – 416 с.; Эко Умберто. Эволюция средневековой эстетики. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 288 с.

¹⁵ Маритен Жак. Этьен Жильсон – философ христианства. Предисловие к одноименному сборнику // Жильсон Этьен. Избранное: Христианская философия. – М., 2004. – С. 658.

¹⁶ См.: Неретина С.С. Этьен Жильсон: новый взгляд на старое наследие. // Жильсон Этьен. Философия в средние века: От истоков патристики до конца XIV века / пер. с франц.; общ. ред. С.С. Неретиной. – М.: Республика, 2004. – 678 с. – С. 578–595.

¹⁷ Жильсон Этьен. Избранное: Христианская философия. – М., 2004. – С. 655–694.

¹⁸ См., напр.: Губман Б.Л. ЖИЛЬСОН // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – Т. 2: Е–М. – М.: Мысль, 2001. – 634 с. – С. 30–31.

¹⁹ См., напр.: Никонов К.И. Жильсон Этьен Анри // Религиоведение. Энциклопедия. – М.: Академический проект, 2006. – 1256 с. – С. 345–346.

²⁰ Поскольку экзистенциализм экзистенциализму рознь, см.: Маритен Жак. Краткий трактат о существовании и существующем. // Он же. Избранное: Величие и нищета метафизики / пер. с франц. – М.: РОССПЭН, 2004. – 608 с. (С. 7 и след.)

²¹ Или «палеотомизма». Интересно, что отечественные исследователи и Маритена (К.В. Бандуровский) и Жильсона (С.С. Аверинцев) готовы причислить как к неотомизму, так и «палеотомизму». См., напр.: Аверинцев С.С. Между средневековой философией и современной реальностью. // Жильсон Этьен. Избранное. – Т. 1: Томизм. Введение в философию св. Фомы Аквинского. – М.; СПб., 1999. – С. 478; Бандуровский К.В. МАРИТЕН // Новая философская энциклопедия в 4 т. – Т. 2: Е-М. – М., 2001. – С. 495.

Матющенко В.С.

МИГРАЦИИ РУССКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ

(Рецензия на книгу: Аргудяева Ю.В., Хисамутдинов А.А.

«Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы».

– Владивосток: Дальнаука, 2013. – 428 с.)

Рассматриваемая монография является результатом совместного исследования двух российских ученых – Юлии Викторовны Аргудяевой и Амира Александровича Хисамутдинова. Научные интересы Ю.В. Аргудяевой концентрируются в области традиционной и современной этнографии русских, украинцев и белорусов, этносоциологии, исторической демографии, гендерной антропологии восточнославянского населения Дальнего Востока России, в том числе конфессиональных групп русских Дальнего Востока (старообрядцы, молокане, духоборцы), русских эмигрантов в Китае (крестьяне-старообрядцы и казаки) и др. А.А. Хисамутдинов исследует вопросы, связанные с экономической, политической и исторической ролью России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в том числе с проблемами русской иммиграции в Китае, Корею, Японию и США. В данной работе ученые объединили усилия в области изучения миграции старообрядцев в Турцию, Китай и Америку. Они провели комплексное исследование на основе междисциплинарного историко-культурно-географического синтеза: описали и сравнили жизнедеятельность общин русских старообрядцев в различных странах, рассматривая эти общины как части всей русской диаспоры американского региона.

В современной гуманитарной науке активно изучаются национально-культурные процессы, происходящие в России, стремление к сохранению и возрождению нравственных основ и духовных ценностей. На примере русских старообрядцев авторы показывают способы решения внутринациональных, межнациональных, межрелигиозных, межэтнических и этнокультурных проблем. Впервые в отечественной этнографии они задались целью выполнить комплексное исследование истории русских старообрядцев, эмигрировавших в зарубежные страны. Исследователи выявляют основные факторы их адаптации в условиях чуждой культурной, языковой и конфессиональной среды; обращают внимание на зарождение и развитие общин старообрядцев, на основные направления их жизнедеятельности, особенности хозяйственного уклада и материальной культуры, семейно-брачные отношения, культурные пристрастия, социальную жизнь, связи между общинами и т.д. На основе живых свидетельств и архивных документов авторы стремятся проанализировать способность староверов к адаптации в инокультурной и иноэтнической среде, выявить традиционные хозяйственные, бытовые, общественные и семейные уклады в их жизни и проследить их трансформацию в условиях пребывания в иноэтническом обществе. Авторы анализируют историю социальных процессов на уровне русской старообрядческой диаспоры, отдельно взятых общин и на уровне личности. В процессе миграции происходит частичная утрата традиционного российского уклада. В этой связи авторы продолжают исследовать проблемы традиции, идентичности, механизмов самоидентификации, этноадаптационные процессы¹.